

## Глава 14

### Виктория

Весна 1720 года, по крайней мере на первый взгляд, принесла серьезное ухудшение позиций Петра в русско-шведском противостоянии. Усилиями короля Георга Россия лишилась всех своих союзников. Грозные эскадры британского флота одна за другой входили в Балтийское море – сдерживать и устрашать царя. В марте того же года, пробыв у власти всего семнадцать месяцев, шведская королева Ульрика Элеонора отреклась от короны в пользу своего мужа, Фридриха Гессенского, решительного противника России, который был твердо намерен продолжать войну, как шведский король Фредрик I.

В мае 1720 года сэр Джон Норрис появился на Балтике с более мощным флотом, чем когда-либо: он вел за собой 21 линейный корабль и 10 фрегатов. Приказы, полученные им в том году, были откровенно враждебны России. 6 апреля в Лондоне Стенгоп еще раз предложил Веселовскому услуги Англии в «посредничестве» между Россией и Швецией, и Веселовский наотрез отказался. Тогда Стенгоп безапелляционно заявил, что русские сами вольны решать, как им относиться к Норрису, когда он появится в Балтийском море: как к другу, если выберут мир со Швецией, или как к врагу, если пожелают продолжать войну.

Норрис прибыл в Стокгольм 23 мая и сошел на берег, чтобы получить дальнейшие письменные распоряжения от молодого лорда Картерета, посланного со специальной миссией в Копенгаген и в шведскую столицу. Распоряжения Картерета отличались пылкостью слога: «Сэр Джон Норрис! В Вашей власти сейчас с Божьей помощью сослужить отечеству самую большую службу – такую, какую в наш век еще никому не удавалось сослужить. В Ваших руках весы Севера... Если царь откажется от посредничества короля (что весьма вероятно), признаком чего будет являться его по-прежнему враждебное отношение к Швеции, тогда, надеюсь, Вы силой оружия образумите его и сокрушите его флот, представляющий угрозу для всего мира... Благослави Вас Бог, сэр Джон Норрис! Все честные и добропорядочные люди будут рукоплескать Вам. Многие станут Вам завидовать, но никто не осмелится сказать ни слова против Вас. Каждый англичанин будет в долгу перед Вами, если Вы сумеете уничтожить царский флот, в чем я лично ни минуты не сомневаюсь».

Пока Норрис оставался в Стокгольме, он засвидетельствовал свое почтение королю Фредрику I, который просил адмирала крейсировать между Гангутским полуостровом и Аландскими островами, дабы помешать русским галерам проникнуть в Ботнический залив, и предотвратить повторение прошлогодних разрушительных набегов на шведские берега. Но у Норриса было не больше желания вступать в стычки с петровскими галерами в этих опасных водах, чем у шведских адмиралов до него. Еще бы – торчащие из воды скалы, мели, туманы, переменчивые ветра, ненадежные карты и полное отсутствие лоцманов. Любой адмирал, заводя огромные океанские суда в такой лабиринт, очень скоро обнаружил бы, что у половины кораблей распороты днища, – а вторую половину он потерял бы при первом же штиле, когда его неподвижных чудищ атаковали бы легионы русских галер. Поэтому Норрис твердо заявил, что поведет свои корабли в другую сторону и посмотрит, нельзя ли атаковать Ревель, ставший теперь, наряду с Кронштадтом, второй крупной базой русского флота на Балтике. С объединенной флотилией из 20 английских и 11 шведских боевых кораблей Норрис крейсировал в виду Ревеля, демонстрируя внушительную военную мощь, а на берег послал письмо для царя с очередным предложением английского посредничества. Письмо вернулось нераспечатанным; Петр, понимая, что Британия открыто приняла сторону его противника, отдал распоряжение не принимать более сообщений от адмирала Норриса или от Картерета. Апраксин, со своей стороны, предупредил британского адмирала, чтобы тот держался подальше от пушек береговых русских укреплений. Встретив подобный отпор и сочтя, что ревельские бастионы слишком мощны, Норрис скрылся за горизонтом.

В то самое время, пока Норрис красовался на виду у Ревеля, галеры Апраксина обошли его и снова высадили десант на берегах Швеции. 8 тысяч солдат, включая и казаков, двигались вдоль берега, не встречая никакого сопротивления, и даже углубились на тридцать

миль в сушу, оставляя за собой столбы дыма над сожженными городками, деревнями и хуторами. Норрис поспешил на отчаянный призыв Фредрика I, чтобы перехватить русские галеры, но тех уже и след простыл. Они проскользнули в бухты и заливчики между скалами, прошли, прижимаясь к финскому берегу, куда Норрис не решился за ними последовать. Единственная попытка привела именно к тому результату, которого боялся Норрис. Шведская эскадра из двух линейных кораблей и четырех фрегатов погналась за отрядом из 61 русской галеры. В пылу погони, пытаясь накрыть эти суденышки огнем, прежде чем они уйдут под прикрытие берега, все четыре шведских фрегата сели на мель и были захвачены противником. Царь, довольный этой морской «викторией», радовался бессилию британского флота. В его письме Ягужинскому говорилось, что русские войска под командованием бригадира фон Менгдена совершили десант в Швецию и благополучно вернулись к своим берегам. «Немалая виктория может похвастаться, потому что при очех господ англичан, которые равно шведов оборонили, как их земли, так и флот».

С сегодняшней точки зрения в действиях флотилии Норриса есть что-то странное. Несмотря на то что его суда находились в Балтийском море как военные противники России, ни один британский корабль не сделал ни единого выстрела по русскому кораблю. Если бы мощные боевые суда Норриса хоть раз догнали петровские галеры в открытом море, то, благодаря более высокой скорости и огневому преимуществу, англичане разнесли бы русских в пух и прах. Однако английские моряки, несмотря на приказы, получаемые Норрисом от его гражданского начальства, довольствовались тем, что поддерживали Швецию исключительно своим присутствием, демонстрируя британский флаг в шведских портах и бороздя воды Балтийского моря. Трудно поверить, что драчливый английский адмирал, под началом у которого служили лучшие моряки в мире, не мог пролить ни капли вражеской крови, если бы пожелал. Невольно возникает подозрение, что Норрис не хотел сражаться с флотом русского царя, чьим гостеприимством он пользовался пять лет назад при их личном знакомстве. Зато Георга I неуспех Норриса поставил в крайне неловкое положение. Как ни старался он изолировать Россию и перетянуть к себе ее союзников, как ни грозен был английский флот, посланный им в Балтийское море, но ни дипломатия, ни флот Георга I не смогли ничем помочь Швеции или повредить России. Пока британские линейные корабли ходили взад-вперед по морю или стояли в портах Швеции, русские галерные эскадры курсировали вдоль шведских берегов и поддерживали огнем свои десанты, которые жгли и громили все подряд. В Англии противники короля открыто смеялись над флотом, который отправили защищать Швецию, но который ни разу не попал куда и когда следовало.

К середине лета 1720 года антирусская политика Георга I оказалась на грани провала. Большинство англичан понимало, что Петра и Россию не победить без куда больших усилий, чем Англия готова была не только затратить, но и просто обдумать. Веселовский доносил из Лондона, что восемь из десяти любых членов парламента – вигов или тори, неважно – полагают, что война с Россией противоречит интересам Англии. Петр же весьма предусмотрительно и совершенно отчетливо давал понять, что он в ссоре не с английским народом и не с английскими купцами, а только с королем. Так, прервав дипломатические отношения и изгнав как английского, так и ганноверского посла из Санкт-Петербурга, он никогда не допускал никаких срывов в торговых отношениях. Перед отъездом Джеффрис велел английским корабельщикам и офицерам на русской службе отправляться домой, но они в большинстве были любимцами Петра, пользовались в России множеством привилегий, и потому мало кто подчинился этому требованию. Английским же торговцам царь лично сказал, что они могут оставаться в России, а он с радостью окажет им покровительство. От его имени Веселовский передал эти слова лондонским торговым домам, которые вели дела с Россией. Вскоре Петр снял блокаду шведских портов в Балтийском море и позволил свободно плавать голландским и английским торговым судам. Словом, царь всячески подчеркивал, что конфликт у него не с Англией, а с политикой короля, который попросту использовал Англию в интересах Ганновера.

Наконец в сентябре 1720 года всякая возможность серьезного английского военного вмешательства на Балтике исчезла сама собой из-за события, которое отвлекло внимание Британии от всего остального: как мыльный пузырь, лопнула, обанкротившись, Компания Южных морей. Акции этой компании, имевшей привилегию торговли с Южной Америкой и в бассейне Тихого океана и действовавшей под эгидой самого короля, стояли на уровне 128,5 в январе 1720 года, в марте поднялись до 330, в апреле до 550, в июне до 890, а в июле до 1000 пунктов. В сентябре пузырь лопнул, и акции рухнули вниз до отметки 175 пунктов. Биржевые игроки из всех слоев общества были разорены, прокатилась волна самоубийств, и поднялся рев возмущения против компании, правительства и самого короля.

Спасителем короля в этом кризисе стал сэр Роберт Уолпол, который заодно и сам прочно утвердился в правительстве на ближайшие двадцать лет. Уолпол был живым воплощением просвещенного английского сельского сквайра XVIII столетия. В домашнем кругу он изъяснялся, как конюх, но в Палате общин являл собой образец красноречия. Этот коротышка весом 280 футов [около 127 кг], с крупной головой, двойным подбородком и грозными черными бровями, имел привычку грызть мелкие красные норфолкские яблочки во время парламентских дебатов. Уолпол и сам был вкладчиком Компании Южных морей и тоже пострадал, но успел вовремя выйти и из компании, и из правительства. Когда его призвали обратно, он выработал план, как восстановить доверие, передав крупные пакеты акций из фондов обанкротившейся компании в Английский банк и в Ост-Индскую компанию. В парламенте он энергично защищал правительство и корону от позорных обвинений. Таким образом он снискал благодарность не только Георга I, но и Георга II, и оба они предоставляли ему большую свободу в управлении страной, чем прежние короли прежним министрам. Именно по этой причине Уолпола часто называют «первым в истории премьер-министром».

Выведя короля из-под удара, Уолпол взял на себя заботу о британской политике. Уолпол, виг до мозга костей, был убежден, что войны нужно избегать, а торговлю развивать. Нервозная, рискованная полувойна с Россией не укладывалась в его представление о будущем процветании Англии. Деньги, которые шли на субсидии Швеции и на операции флота, можно было с большей пользой потратить на что-нибудь другое. Когда к штурвалу государства встал Уолпол, политика Британии нацелилась на скорейшее окончание войны. Король опечалился, но ему и самому было ясно, что замысел отбросить Петра с Балтики потерпел неудачу.

Фредрик Шведский довольно скоро понял, как обстоят дела. Разочаровавшись в поддержке Георга I и сознавая, что продолжение борьбы приведет к новым русским налетам на его берега, Фредрик решил признать, что война проиграна. К этому решению его подстегнуло известие о появлении в Санкт-Петербурге герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, который попросил там убежища. В Стокгольм доносили, что герцог великолепно принят царем и что Петр предполагает выдать за него одну из своих дочерей. Такое внимание к Карлу Фридриху означало, что Россия приняла сторону голштинской фракции в борьбе за шведский престол, – это был точно рассчитанный маневр Петра. Из сложившейся ситуации с очевидностью вытекало, что, только подписав с царем такой мирный договор, в котором Россия признавала бы права Фредрика I на шведский трон, новый король сможет спокойно оставаться на этом троне.

Фредрик сообщил Петру, что готов возобновить переговоры, и 28 апреля 1721 года была созвана вторая мирная конференция в городе Ништадте на финском берегу Ботнического залива. Россию опять представляли Брюс, теперь уже возведенный в графское достоинство, и Остерман, ставший бароном. На первых заседаниях русские с удивлением обнаружили, что шведы рассчитывают на более легкие для себя условия, чем те, что предлагались им во время Аландского конгресса. В свою очередь, шведы были неприятно поражены, услышав, что Петр требует навечно Ливонию, хотя раньше довольствовался «временной» ее оккупацией сроком на сорок лет. «Я знаю свой интерес, – заявил царь. – Оставить шведов в Ливонии значит пригреть змею на груди».

Новоявленное стремление Великобритании к миру на севере не привело к полному отстранению от ее союзников-шведов. В апреле 1721 года король Георг I написал королю Фредрику I, что, выполняя договорные обязательства, британский флот вновь придет в Балтийское море ближайшим летом. Однако Георг I настаивал, чтобы Швеция поскорее заключила мир с Россией. Издержки на посылку флота каждое лето были непомерны, объяснял Георг, и сумма, потраченная в этом году на снаряжение эскадры, составила 600 000 фунтов. Через несколько недель действительно появились 22 линейных корабля под началом Норриса, но все лето они простояли без дела на якоре в островах Скаргарда.

Тем временем переговоры в Ништадте из-за Ливонии застопорились, перемирие достигнуто не было, так что Петр опять послал свой галерный флот к шведским берегам. 5000 солдат под командованием генерал-майора Ласси высадились в ста милях к северу от Стокгольма и штурмовали укрепленный город Евле, но взять город отряду оказалось не по силам, и русские ушли дальше на юг, оставляя за собой полосу опустошения. Сожгли Сундсвалль и еще два города, 19 приходов и 506 деревень. Ласси разбил шведский отряд, посланный против него, а его галеры сожгли шесть шведских галер. 24 июня, после 400-мильного марша вдоль шведского побережья, Ласси получил приказ уходить.

Набег Ласси, хотя и уступавший по масштабу предыдущим, оказался для шведов последней каплей. Фредрик I наконец-то решил отдать Ливонию. По статьям мирного договора к Петру отошли все те земли, которых он так долго добивался. Ливония, Ингрия и Эстония «навечно» передавались России, вместе с Карелией до Выборга. Остальную часть Финляндии вернули Швеции. В компенсацию за Ливонию русские обязались платить по два миллиона талеров в течение четырех лет, а Швеции предоставлялось право беспощинно закупать ливонское зерно. Всех военнопленных с обеих сторон надлежало отпустить. Царь обещал не вмешиваться во внутренние дела Швеции и тем самым подтвердил права Фредрика I на престол.

14 сентября 1721 года, когда Петр уехал из Петербурга в Выборг осматривать новую границу, которую предстояло установить по договору, из Ништадта прибыл курьер с вестью о том, что 10 сентября договор был подписан. Когда ему передали экземпляр договора, довольный Петр написал: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа троекратное время была, однакож слава Богу, так хорошо скончалась, как лучше быть невозможно».

Новость о том, что после двадцати одного года войны наступил мир, в России встретили ликованием. Петр был вне себя от радости, покатила нескончаемая вереница празднеств невиданного размаха. Петербуржцы впервые поняли, что случилось нечто необычайное, когда 15 сентября царская яхта неожиданно вошла в Неву, возвратясь из Выборга намного раньше времени. О том, что царь спешит с доброй вестью, возвестили залпами из трех маленьких пушек на борту яхты, а с приближением судна с палубы донеслись звуки труб и бой барабанов. На причале у Троицкой площади мигом собралась толпа, которая увеличивалась с каждой минутой, – прибывали государственные чины: ведь только одна причина могла объяснить столь шумное появление государева корабля. Когда Петр ступил на берег и подтвердил догадку, в толпе раздались рыдания и радостные крики. Петр прошел в Троицкую церковь помолиться и возблагодарить Господа. После службы генерал-адмирал Апраксин и другие собравшиеся высшие военные и штатские чины, зная, какая награда больше всего придется по душе их повелителю, просили его принять адмиральский чин.

В это время посреди запруженных народом улиц выставляли бочки с пивом и вином. Петр поднялся на маленький, наскоро сколоченный помост возле Троицкой церкви и прокричал в толпу: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну, которая продолжалась двадцать один год, всеильный Бог прекратил и даровал нам со Швециею счастливый вечный мир!» Подняв кубок с вином, Петр выпил за здоровье русского народа – строй солдат палил из мушкетов в воздух, а пушки Петропавловской крепости салютовали оглушительными залпами.



Через месяц Петр устроил маскарад, продолжавшийся несколько дней. Забыв о своих годах и множестве недугов, он отплясывал на столах и пел во все горло. Но вдруг посреди пира он сник, устало поднялся из-за стола и, велел гостям не расходиться, отправился вздремнуть на свою яхту, ставшую на Неве. Когда он вернулся, праздник гремел вовсю, вино лилось рекой и шум стоял ужасный. Целую неделю люди не снимали масок и карнавальных нарядов, угощались, танцевали, гуляли по улицам, катались по Неве, засыпали и, проснувшись, начинали все снова.

Праздник достиг кульминации 31 октября, когда Петр явился в Сенат и объявил, что в благодарность за божескую милость, даровавшую России победу, он прощает всех преступников, сидящих по тюрьмам, кроме убийц, и прощает также все долги правительству и налоговые недоимки, накопившиеся за восемнадцать лет – с начала войны по 1718 год. На том же заседании Сенат постановил отныне именовать Петра Петром Великим, Императором и Отцом Отечества. Это постановление, к которому присоединился Святейший синод, было изложено в форме письменного прошения и доставлено к царю Меншиковым в сопровождении делегации из двух сенаторов и двух архиепископов, Псковского и Новгородского. Петр обещал рассмотреть прошение.

За несколько дней до этого Кампредон, французский посол, который помогал склонить шведов к миру, приплыл в Кронштадт на шведском фрегате. В нарушение всех правил протокола счастливый царь сам взошел на фрегат, обнял посла прямо на палубе и повез его смотреть шесть больших русских военных кораблей, стоявших в порту. Они вернулись в столицу, ходили по улицам, и всю праздничную неделю царь не отпускал от себя изумленного Кампредона. В Троицкой церкви царь поставил его на почетное место, причем грубо отпихнул какого-то русского дворянина, заслонявшего французю обзор. В церкви Петр сам норовил руководить богослужением, пел вместе со священниками и отбивал ногой такт. По окончании службы пастве был зачитан договор со всеми его условиями и положение о его ратификации. Любимый священник Петра, архиепископ Феофан Прокопович, произнес похвалу царю, а после канцлер Головкин прямо обратился к Петру: «Только единыя вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света и, так реши, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены: и того ради како мы возможем за то и за настоящее исходотайствование толь славного и полезного мира по достоинству возблагодарите? Однакож, да не явимся тщи в зазор всему свету, дерзаем мы именем всего Всероссийского государства подданных вашего величества всех чинов народа всеподданнейше молити, да благоволите от нас в знак малого нашего признания толиких отеческих нам и всему нашему отечеству показанных благодеяний титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского принять». Петр коротким кивком дал понять, что согласен принять титулы<sup>25</sup>. «Виват! Виват! Виват!» – прокричали сенаторы. В церкви и за ее стенами ревела

---

<sup>25</sup> Конечно, идея возложить на царя императорский титул не сама собой возникла в Сенате. Четырьмя годами раньше, в 1717 г., когда Михаил Шафиров, сын вице-канцлера, рылся в старых архивных документах и бумагах, он нашел письмо, написанное в 1514 г. императором Священной Римской империи Максимилианом царю Василию Ивановичу (отцу Ивана Грозного). В этом письме Максимилиан звал Василия примкнуть к союзу против польского короля и великого князя Литовского, причем обращался к царю «Великий Господин, Василий, Император и Владыка Всея Руси». Шафиров показал Петру это письмо, написанное по-немецки, и царь приказал тут же его перевести на все языки и раздать копии всем иностранным послам в Санкт-Петербурге. Одновременно через своих дипломатов он опубликовал это письмо в газетах Западной Европы вместе с припиской: «Это письмо послужит неопровержимым доказательством принадлежности названного титула всероссийским монархам, каковой высокий титул был дан им много лет назад и должен уважаться тем более, что написан он рукою императора, по рангу стоящего на одном из первых мест в мире».

В Европе признание императорского титула за русским царем шло постепенно. Голландия и Пруссия немедленно признали Петра императором России. Остальные государства тянули с этим, главным образом потому, что не хотели рассердить австрийского императора, болезненно гордившегося своим древним уникальным титулом. Однако в 1723 г. Швеция признала Петра императором, а в 1739 г. Османская империя признала Анну императрицей. Король Георг I всегда отказывался величать своего старого врага, Петра, императорским титулом, и английское признание последовало лишь в 1742 г., через пятнадцать лет после

толпа, гудели трубы, грохотали барабаны, все церкви Петербурга вторили им колокольным звоном, салютовали все пушки. Когда стих весь этот шум, Петр произнес ответное слово: «Хотя они ныне толь славной и полезной мир Божиею милостию и храбростию своего оружия получили, однакож бы, и во время того мира роскоши и сладостию покоя себя усыпить бы не допустили, экзерцициею или употребление оружия на воде и на земле из рук выпустить, но оное б всегда в добром порядке содержали и в том не ослабевали, смотря на примеры других государств, которые чрез такое нерачительство весьма разорились, между которыми приклад Греческого государства [Византии], яко с собою единовѣрных, ради осторожности пред очми б имели, которое государство от того и под турецкое иго пришло... Надлежит им стараться о начатых разпорядках в государстве, дабы оные в совершенство привести и чрез дарованной Божиею милостию мир являемые авантажи, которые им чрез отворение купечества с чужестранными землями вне и внутрь представляются, пользоваться тщилися, дабы народ чрез то облегчение иметь мог».

Петр вышел из церкви и возглавил шествие к Сенату, где в большом зале стояли столы на тысячу человек. Тут его поздравил герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский и иностранные послы. За банкетом последовал очередной бал и фейерверки, составленные самим Петром. Опять стреляли пушки, корабли на Неве сверкали огнями. В зале пустили по кругу гигантскую лохань вина – «истинную чашу страданий», по выражению одного из гостей, которую несли на плечах два солдата. Снаружи по углам здания струились вином фонтаны, а на помосте жарились целые быки. Петр вышел, собственноручно отрезал первые куски и раздал их толпе. Съел немного и сам, после чего торжественно поднял кубок за здоровье русского народа.

---

смерти короля. В том же году император Габсбург признал русского монарха равным себе. Франция и Испания признали императорский титул в 1745 г., а Польша в 1764 году.

Императорский титул существовал в России с 1721 г., когда Петр принял его, до отречения императора Николая II в 1917 г.